

О БЕРДЯЕВЕ И «БЕРДЯЕВЩИНЕ»

Мы помещаем ниже исполненный негодования ответ проф. А. Д. Билимовича Н. А. Бердяеву по поводу статьи его «Обскурантизм», помещенной в № 4 журнала «Путь»¹. Статья А. Д. Билимовича написана очень страстно. В своей страстности она, конечно, очень субъективна и по тону и по подходу. Предметом критики является не столько статья Н. А. Бердяева, сколько его личность, как она отражается в его писаниях вообще, и в статье «Обскурантизм» в частности, и те внутренние мотивы, которыми, по мнению А. Д. Билимовича, определяются писания Н. А. Бердяева. Если мы даем место статье А. Д. Билимовича при всей ее пылкой субъективности, то делаем это в сознании того, что писания Н. А. Бердяева действительно способны вызывать бурное и вполне справедливое негодование. Мы считаем уместным, со своей стороны, дать объективное изложение мыслей Н. А. Бердяева, заключающихся в статье «Обскурантизм», и попутно общую оценку их. Читатель тогда сможет судить о том, в какой мере законна та эмоционально-волевая реакция, которую вызывает статья Н. А. Бердяева у культурных «правых» и «белых», примером чего является суровая и пламенная отповедь А. Д. Билимовича.

«Есть основание думать, что мы вступаем в эпоху обскурантизма. И возможно, что это явление не только русское, но и мировое. Совершенно одинаково обскурантизм процветает в среде советско-коммунистической и в среде эмиграции». Так начинается свою статью Н. А. Бердяев. Что же такое обскурантизм в представлении Н. А. Бердяева? «Обскурантизмом следует называть принципиальную агрессивно-наступательную борьбу против свободного знания и творческой умственной культуры. Обскурантизм есть социальная светобоязнь, социальная любовь к тьме как к добру, опасение света как зла. Принципиальный обскурантизм есть уверенность, что свет, свободная мысль, философия, умственное творчество ведут к социальному злу и социальной гибели, к разрушению церкви, государства, семьи,

собственности, к ереси, к революции». Одинаковыми обскурантами являются, по мнению Бердяева, и правые и левые, Магницкие и Победоносцевы, с одной стороны, Ленины и Сталины — с другой². В основе обскурантизма лежит чувство страха. Одинаково делают обскурантами страх революции и страх контрреволюции. «Исключительная поглощенность спасением монархии и частной собственности или завоеваний революции и коммунистического строя одинаково делает обскурантами, потемняет сознание и лишает способности мыслить по существу». Обскурантом был ректор Московской Духовной академии, человек сурового, монашески-аскетического типа, считавший, что наука и философия не нужны, когда речь идет о вечном спасении³. Такими же обскурантами являются и коммунисты, жаждущие спасения революции в мировом масштабе. «Советско-коммунистический обскурантизм так же гонит философию и так же поручает ее преподавание “фельдфебелям”, как обскурантизм эпохи Николая I, которая ныне в эмиграции многим представляется золотым веком вследствие потери памяти и одичания от ушибленности революцией».

Изложенное дает достаточное представление о содержании статьи Н. А. Бердяева. В ней есть много верного. Действительно, людей культуры не может не тревожить то неуважение к культуре, которое иногда наблюдается в рядах борцов с большевизмом. Не лишено основательности и то утверждение, что в этом неуважении к культуре, в том упрощительно-пренебрежительном отношении к миру культурных ценностей, которым порою даже бравировуют наиболее активные противники большевизма, наблюдается именно известная потемненность сознания, обусловленная навязчивым представлением о борьбе с большевизмом как о чем-то самодовлеющем и самоценном. Это большие и сложные темы, к которым, однако, нельзя подходить именно так, как это делает Н. А. Бердяев, т. е. поверхностно и легкомысленно, а поскольку за этою поверхностностью и легкомысленностью нащупывается точная и ясная мысль, — *соблазнительно и лукаво*.

В чем основная ошибка Н. А. Бердяева? *Он, говоря об обскурантизме, не только упускает из виду, но просто отрицает начало целевое. Он сравнивает и сопоставляет пути и средства, не задумываясь над тем, во имя каких целей употребляются эти средства и куда ведут эти пути.* Он настолько увлечен легкомысленно-поверхностными, хлесткими, ударными в своей словесной изобретательности параллелями, что не замечает явных нелепиц, кроющихся за этими чисто формальными

и внешними сближениями. Он ставит на одну доску Победоносцева и Ленина, аскетического епископа и безбожника-коммуниста, революционера-разрушителя и реакционера-охранителя, не задумываясь над тем, что при известном родстве средств речь идет о полярно противоположных целях. Не является ли прямой нелепицей отождествление сурового аскета, пренебрегающего светской наукой во имя веры, и коммуниста, *борющегося с верой*, с церковью и с Богом? Не является ли прямой нелепостью отождествление революционера, ставящего себе целью *уничтожение существующего строя*, с контрреволюционером, пытающимся *охранить этот, строй от уничтожения*? Точно существенно лишь то, как, какими способами люди осуществляют поставленные им цели, а самые эти цели безразличны! Сам Н. А. Бердяев неспособен выдержать этой точки зрения. Ведь говорит же он, что обскуранты исходят из приводящей их в ужас мысли о том, будто знание ведет к разрушению церкви, государства, семьи, собственности! Он относит это утверждение и к *правому* и к *левому* обскурантизму, а между тем опасаться подобных последствий может, конечно, только правый «обскурантизм», левый же ставит себе прямой задачей именно *уничтожение* государства, церкви, семьи, собственности. Увлеченный игрой в словесные сопоставления, Н. А. Бердяев не замечает бессмысленности такого обобщенного, или, точнее, смутного, определения обскурантизма, которое пренебрегает этими кричащими противоречиями.

К сожалению, однако, в писаниях Н. А. Бердяева не все легкомысленно и поверхностно. В них есть кроющееся под словесной шелухой и мишурой зерно, и зерно это исполнено соблазна и лукавства. «Существо» проглядывает между строк и в статье об «обскурантизме», но уже гораздо более рельефно оно обозначается в неизвестной еще, очевидно, А. Д. Билимовичу статье Бердяева, помещенной в следующем номере «Пути» и озаглавленной «Иллюзии и реальности в психологии эмигрантской молодежи»⁴.

В статье «Обскурантизм» Н. А. Бердяев занимает излюбленную им позицию некоего арбитра, который не желает встать ни на одну из сторон происходящего в мире поединка. Там, где для простого глаза обозначается борьба правды и лжи, Бердяев, воспаряя над местом борьбы и уходя в диалектические туманы, выступает против *обеих* сторон. Оказывается ли, однако, он *над* борьбой, *выше* ее? Оказывается ли он действительно арбитром, опирающимся на какую-то *высшую* правду? К сожалению, нет. Там, где от *безответственных* и неясных слов ему

приходится переходить к ответственным и ясным мыслям, определяющим ответственное и ясное поведение, Н. А. Бердяеву все равно приходится вдвигаться в какие-то ряды, занимать какое-то определенное место в той диспозиции борющихся сил, которая дана жизнью, а отнюдь не определяется словесным произволом философствующего дилетанта. Так и здесь. Пропев отходную и «правому» и «левому «обскурантизму», опираясь на одинаковое отрицание и коммунизма и борцов с ним, Бердяев практически все же оказывается вынужденным *сделать свой выбор*. — Он и делает этот выбор — к сожалению, весьма неутешительный, но достаточно определенный.

Признавая белое движение необходимым этапом революции, Бердяев считает его конченным и исчерпанным. Вычеркивая белое движение из книги бытия, Н. А. Бердяев *приветствует новые направления — «пореволюционные»*. Таковыми он считает наряду со Студенческим христианским движением и младороссами *евразийцев и национал-большевиков!*⁵

Мы надеемся еще вернуться к тем вопросам, которые ставит в своей последней статье Н. А. Бердяев. Здесь нам важно было лишь отметить, что «объективность» Бердяева, заставляющая его с точки зрения какой-то, якобы высшей, правды отождествлять в качестве «обскурантов» сурового монаха и безбожника-коммуниста, оборачивается в очень субъективную и достаточно заостренную политическую установку сознания — *лукавую и соблазнительную*.

К сожалению, писания Н. А. Бердяева не только своеобразный и весьма вредоносный вид утонченного и изоциренного обскурантизма, каковым несомненно является его самоуверенный и развязный дилетантизм. За смутными смущающими фразами, скрывающими и затуманивающими историческую правду, таится определенное *политическое жало*.

Смутные и смущающие фразы, отождествляющие «красных» и «белых», монахов и коммунистов, Николая I и Сталина, могут раздражать и вызывать негодование у культурных людей белого лагеря. Поскольку, однако, с достаточной ясностью из-за этих фраз показывается *политическое жало* — это «культурное» раздражение естественно должно отойти на второй план, уступая место горестному размышлению о том, *как надлежит определить вообще свое отношение к Н. А. Бердяеву и «бердяевщине»?* Своими последними печатными выступлениями Н. А. Бердяев ставит этот вопрос на очередь.

